

— Пришел всё-таки?

Пэй Цзюэ подошел к Гу Чи и небрежно поднял руку в знак приветствия. Именно он мгновением ранее хлопнул друга по плечу.

Актеру сейчас было не до титулованного коллеги. Его пальцы быстро порхали по клавиатуре, пытаясь исправить недоразумение, возникшее из-за того самого хлопка. На самом деле Гу Чи просто не успел дописать фразу до конца.

[Шэнь Шуи]: — [Спасибо. Спасибо, что любишь меня.]

Он на мгновение замер.

Гу Чи тут же сообразил: Шэнь Шуи, скорее всего, принял его за обычного фаната. А для поклонника признаваться кумиру в любви — дело самое обычное. Даже через экран телефона юноша отчетливо чувствовал искренность собеседника и ту неподдельную радость, с которой тот дорожил каждым преданным слушателем.

Гу Чи медленно стер в поле ввода оставшиеся слова: «твое музыкальное творчество».

[Шэнь Шуи]: — [Я возвращаюсь к стриму.]

[Гу Чи]: — [Удачи.]

[Шэнь Шуи]: — [Угу!]

Следом прилетел эмодзи с крепко сжатым кулачком.

В воображении Гу Чи невольно возник образ: Шэнь Шуи сидит перед компьютером и с предельно серьезным, полным решимости видом смотрит на экран.

Пэй Цзюэ, даже не подозревавший о том, какую кашу только что заварил, дождался, пока друг уберет телефон. Понизив голос, он с оттенком обиды пробормотал:

— Я и представить не мог, что соберется столько народу. Режиссёр Вань сказал, что это частный прием, только для близких и друзей. Я-то думал, будет пара человек... Знай я заранее, точно нашел бы повод отказаться.

Говоря это, актер с явным неудовольствием поправил виндзорский узел на галстук. Стоило

ему переступить порог гостиной, как он понял — его провели. Гостей было слишком много: добрую половину он вообще видел впервые, а с остальными едва был знаком. Но хуже всего было то, что почти каждый здесь знал его самого. Люди подходили один за другим с бокалами в руках, заводили светские беседы, предлагали выпить... В такие мгновения Пэй Цзюэ каждой клеточкой тела жаждал лишь одного — побега.

Появление Гу Чи стало для него спасительным кругом.

— А тебе не приходило в голову, — усмехнулся Гу Чи, — что режиссёр Вань прекрасно знает твой характер? Понимая, что при честном раскладе ты не придешь, он намеренно заманил тебя сюда, чтобы ты хоть немного пообщался с людьми.

Глаза Пэй Цзюэ округлились от изумления. Друг ободряюще похлопал его по плечу:

— Новые знакомства тебе не повредят. Режиссёр Вань искренне о тебе заботится.

На подобных мероприятиях собираются сливки индустрии, и такие встречи — лучший способ расширить сеть полезных контактов. А в шоу-бизнесе связи и ресурсы решают всё.

Собеседник помрачнел:

— Я всё понимаю, но мне здесь не по себе. Мне это... не нравится. Почему актер не может просто сниматься в кино?

В идеальном мире Пэй Цзюэ он хотел лишь одного: во время съемок полностью отдаваться работе, а в свободное время сидеть дома, чтобы никто его не беспокоил. Ну, разве что Гу Чи.

— Потому что человек — существо социальное. Даже если бы ты не был актером, а работал обычным офисным клерком, тебе всё равно пришлось бы взаимодействовать с людьми.

— По крайней мере, не так часто, — юноша нахмурился. — Впрочем, гонорары актеров высоки, а внимание общества огромно... По сравнению с тем, что мы получаем, эти неудобства — сущие пустяки, верно? Знаю, я веду себя капризно. Хочу и того, и другого — слишком жадно. Признаю свою вину.

Гу Чи рассмеялся:

— Это не жадность и не капризы. Ты просто как рыба: когда снимаешься, ты — «актер Пэй Цзюэ», но в остальное время предпочитаешь оставаться в привычных водах. Тебе не интересны ни шумные празднества на берегу, ни его пейзажи. Ты лишь хочешь, чтобы никто не тревожил твою тихую заводь. Не привыкать к этому, не любить это — абсолютно нормальные чувства.

Пэй Цзюэ пристально посмотрел на собеседника своими глубокими темными глазами:

— Гу Чи, будь ты девушкой, я бы непременно на тебе женился. Ах, точно... Ты ведь, кажется, принципиальный противник брака. Что ж, к счастью, ты не девушка.

Пэй Цзюэ был из тех людей, кто, полюбив, стремится к стабильности. Холостяцкие убеждения друга ему бы не подошли.

Тот зашелся смехом:

— Поверь мне, твое отсутствие чувств ко мне никак не связано ни с моим полом, ни с моими взглядами на брак. Тебе просто не суждено в меня влюбиться.

Пэй Цзюэ озадаченно моргнул.

— Вот как? Тебе самому когда-нибудь нравились мужчины?

Гу Чи лишь улыбнулся:

— Пока что нет. Но если любовь придет, я не стану ей сопротивляться. А сейчас мне нужно поздороваться с режиссёром Ванем. Пойдешь со мной?

Друг помотал головой:

— Я уже засвидетельствовал почтение, когда приехал. Ступай один. Я лучше поищу где-нибудь десерты и напитки. Тебе взять что-нибудь?

Гу Чи примчался сюда напрямик из аэропорта. После перелета он чувствовал себя неважно, а из-за боязни укачивания в машине почти ничего не ел. Желудок неприятно подводило. Он проследил за взглядом Пэй Цзюэ — фуршетный стол ломился от угощений.

— Хорошо,хвати мне немного фруктов. Спасибо.

Пэй Цзюэ наставительно добавил:

— Постарайся вернуться ко мне как можно скорее.

— А если бы я сегодня вообще не пришел? — с наигранной безнадежностью вздохнул Гу Чи.

Собеседник задумался:

— Притворился бы больным и нашел предлог уйти пораньше? Ну, или изобразил бы сильное опьянение. В любом случае, долго бы я здесь не задержался.

— Понял, понял, — усмехнулся Гу Чи. — Я постараюсь освободиться поскорее.

Удовлетворенный ответом, Пэй Цзюэ побрел к столам.

— Режиссёр Вань, госпожа Вань.

Вань Линь и его супруга, Цинь Синьюэ, увлеченно беседовали с гостями, но, услышав знакомый голос, оба с радостным удивлением обернулись.

— Гу Чи! Как ты здесь оказался? Разве ты не должен был остаться в Бэйчэне с дедушкой и бабушкой?

Вань Линь крепко, по-отечески обнял актера. После окончания съемок они не виделись какое-то время. Режиссёр знал, насколько плотный у Гу Чи график и как нежно тот относится к старикам, стараясь проводить с ними каждую свободную минуту. Он получил от него подарок еще днем и не ожидал увидеть его лично, думая, что тот не успеет прилететь.

Подарком была картина одного малоизвестного художника — вещь не запредельно дорогая, но невероятно редкая. Этот мастер писал крайне медленно и никогда не работал на заказ. Гу Чи проявил поразительную деликатность: такой выбор не обязывал к ответным жестам, но согревал душу. Вань Линь в очередной раз восхитился тонким вкусом своего протеже.

— Я пробыл дома два дня, — с улыбкой ответил гость. — А завтра улечу обратно, чтобы снова побыть с ними.

Мимо проходил официант. Гу Чи взял три бокала шампанского — для супругов и для себя.

— Режиссёр Вань, с днем рождения.

— Спасибо, мой дорогой, спасибо, — супруги с теплотой чокнулись с ним.

Цинь Синьюэ мягко сжала руку актера, не скрывая восхищения:

— Завтра уже обратно? Это же такая нагрузка! Ты удивительный ребенок, Гу Чи.

— Режиссёр Вань когда-то разглядел мой талант и дал мне шанс, — скромно улыбнулся тот. —

Я просто не мог не приехать.

Когда-то Гу Чи пришел в кино из индустрии айдолов. Поклонникам казалось, что его путь был усыпан розами, но на деле всё было иначе. Взрывная популярность в музыке не давала веса в серьезном кинематографе. Крупные проекты его игнорировали, а мелкие роли могли навсегда закрыть дорогу в первый эшелон. Без серьезных работ его карьера висела на волоске, а положение было далеко не завидным.

Именно Вань Линь, вопреки мнению большинства, пригласил его в свой дебютный фильм «Маленький воздушный змей». Так родился актер Гу Чи, а позже — и лучший актер страны. Поэтому, когда режиссёр предложил ему роль в фильме «Полжизни», Гу Чи, не раздумывая, отменил все дела и вошел в проект.

— За эти годы Лао Вань помог многим, — Цинь Синьюэ слегка поправила наброшенную на плечи шаль и грустно улыбнулась. — Но тех, кто помнит добро и готов по первому слову бросить всё, даже не спросив о гонораре, осталось не так уж много.

В ее голосе не было обиды — лишь констатация факта. В этом кругу она видела всякое. Те, кто в начале пути заискивал перед ее мужем, после прихода славы лишь вежливо кивали при встрече, а зазвать их в проект становилось невыполнимой задачей: начинались споры о гонорарах, местах в титрах или просто пренебрежительные отказы. Именно поэтому ее симпатия к Гу Чи росла с каждым годом.

— Ну зачем ты об этом? — мягко перебил ее Вань Линь. — Я помогал молодым талантам не ради их благодарности. Мне достаточно знать, что они выросли достойными людьми и нашли свое место под солнцем. Как говорится: делай добро и не жди награды. Кстати, Гу Чи, ты видел Пэйпэя? Ты не представляешь, как он вытягивал шею, высматривая тебя. Стал похож на жирафа.

— Я встретил его на входе, — рассмеялся Гу Чи. — Он пошел добывать еду и строго велел мне найти его сразу после разговора с вами.

Цинь Синьюэ не смогла сдержать смеха.

— Весь в этом! Поразительно: на площадке, сколько бы людей вокруг ни стояло, он безупречно отыгрывает даже самые сложные сцены. Но стоит камере выключиться, и он готов залезть в стеклянный кокон, лишь бы его не трогали.

— Пэйпэй — актер от Бога, — подхватил Гу Чи. — Он рожден для сцены. По-настоящему живым и свободным он чувствует себя только в роли или в своем собственном мире.

— Это правда, — кивнула госпожа Вань. — Не то что ты: тебе везде комфортно.

К Вань Линю подошли новые гости. Попрощавшись с супругами, Гу Чи отправился на поиски друга.

По пути его то и дело останавливали коллеги и знакомые — избежать пары дежурных тостов было невозможно. Когда актер наконец добрался до места их расставания, Пэй Цзюэ там уже не было. Он набрал его номер.

Тот ответил почти мгновенно:

— Ты слишком долго. Я не выдержал и ушел в домашний кинотеатр режиссёра Ваня. Еда, напитки и твои фрукты здесь. Приходи.

Гу Чи привык к прямолинейности друга:

— Хорошо, иду.

Они оба не раз бывали на этой вилле и хорошо знали расположение комнат. В домашний кинотеатр гости обычно заглядывали редко. Когда Гу Чи толкнул дверь, он увидел, что Пэй Цзюэ там один.

Тот сидел в первом ряду. Слева стоял стакан апельсинового сока, справа — попкорн, а перед ним возвышался передвижной столик, заваленный снеками. Пэй Цзюэ, не отрываясь, смотрел на экран, где шел документальный фильм.

Заметив друга, он молча указал на столик — мол, всё, что ты просил, здесь, бери и устраивайся, только не шуми.

У многих актеров есть свои способы погружения в профессию. Метод Пэй Цзюэ заключался в просмотре документалистики. Он считал, что именно там жизнь показана наиболее правдиво, что помогало ему лучше понимать человеческую природу.

Гу Чи не стал брать десерты, ограничившись фруктами. После выпитого шампанского свежие плоды должны были привести его в чувство. С тарелкой в руках он устроился в третьем ряду.

Отправив в рот помидор черри, он тоже увлекся просмотром. Это был биографический фильм. Одно время Гу Чи и сам засматривался подобными лентами, изучая судьбы великих людей. То, что шло на экране сейчас, он уже видел, но с удовольствием решил пересмотреть.

Когда тарелка почти опустела, актер собрался встать за добавкой, но в кармане завибрировал телефон.

[Шэнь Шуи]: — [Здравствуй. Прости, ты еще здесь?]

[Гу Чи]: — [Здесь.]

[Шэнь Шуи]: — [Я хотел бы перевести деньги. Тебе сейчас удобно?]

В первом ряду Пэй Цзюэ обернулся. Несмотря на полумрак, Гу Чи отчетливо прочитал в его взгляде немой упрек.

— Прости, — одними губами прошептал он.

Стараясь не мешать сосредоточенному другу светом экрана, Гу Чи перебрался на самый последний ряд.

[Шэнь Шуи]: — [Могу перебросить на карту или через приложение. Как тебе лучше?]

Шэнь Шуи выключил компьютер и, услышав сигнал уведомления, тут же схватил телефон.

<http://bllate.org/book/15823/1433630>